

Елизавета Дворецкая

КАК ОГОНЬ ОТ ОГНЯ

ПОВЕСТЬ

Елизавета Дворецкая

Как огонь от огня

«Автор»

2003

Дворецкая Е. А.

Как огонь от огня / Е. А. Дворецкая — «Автор», 2003

ISBN 978-5-9717-0427-0

ISBN 978-5-9717-0427-0

© Дворецкая Е. А., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	14
-----------------------------------	----

Елизавета Дворецкая

Как огонь от огня

«Ну, зимой одно было, а теперь другое».

Метелица стояла на опушке, прислонясь спиной к толстой березе, и провожала глазами уходящего Искрена. Зачем она вообще заговорила с ним: сидела бы с матерью и сестрами на дедовой могиле, блинами заедая недавние слезы и причитания, – нет, увидела его на краю поля, зачем-то пошла к нему, даже окликнула – а ведь уже видела, что он идет мимо, нарочно ее не замечая... И вот – весенний день для нее кончился. Над головой шумел свежий ветер в густой почти по-летнему березовой листве, казалось, весь этот шум сейчас обрушится на голову легким, щекочущим ворохом – но Метелица почти не слышала его за шумом крови в ушах и стуком готового разорваться сердца.

На Дедовом поле везде мелькали белые рубахи: на каких-то курганах женщины еще причитали и бились о землю, взывая к умершим родичам, на других уже отплакали и крошили вареные яйца, угощая дедов, а где-то уже сами принялись за блины, пироги и кашу, попивая брагу и проливая из каждой чарочки немного на траву. В Родоницу, последний весенний праздник поминания предков, все люди из окрестных родов собирались сюда, где в длинных курганах уже не первый век находили себе посмертное жилье все умиравшие в округе Капельской Лады¹. Народу было много, и Метелица скоро потеряла Искрена из виду, но все смотрела туда, где он пропал среди могил рода Неревичей, смотрела, смотрела, не веря, что все уже кончилось.

«Ну, зимой было одно...» Его слова звучали в памяти, как последние звуки погибающего мира. И от неотвратимой жестокости этих слов весь белый свет – зеленая луговина, светлые стволы берез, темно-голубое небо – словно бы рвался на части и в широкие прорехи лезла черная бездна... Разом рухнула ее судьба, уже, казалось бы, сложившаяся, и даже было странно, что земля не тает под ногами, что все так же крепок ствол березы за спиной, что шумит листва и дед Гудила уже запекает хриплым полупьяным голосом «Калинушка с малинушкой, лазоревый цвет», а старуха Гудилиха привычно колотит охальника крепким коричневым кулачком по шее... Все как всегда.

«Зимой было одно...» Зимой... Ведь не на веревке же она его таскала всю зиму на посылки в беседу Куделичей, сам приходил! Сам садился рядом с ней, смеялся, рассказывал то одно, то другое, и посматривал на нее так по-особенному: с намеком и словно бы выжидающе. И от этих намеков она потом каждую ночь едва могла заснуть, ворочалась на полотах между младшими сестрами, так что Турица просыпалась и в досаде пихала ее кулачком в бок: дескать, сама не спишь, так хоть другим дай! А она не могла спать, с восторгом и замиранием сердца перебирала в памяти каждый его взгляд, каждое слово, и сам звук его голоса казался значительным и важным. С каким нетерпением она ждала весны, игрищ Ярилина дня, потом Купалы, когда надеялась навек расстаться с девичьим венком... Она твердо верила, что будет женой Искрена. Но вот... «А теперь другое...» И нет смысла напоминать ему о прошлом. Насильно мил не будешь.

– Ой, доченька моя любезная, белая ты моя лебедушка, березка моя стройная! – причитал где-то рядом женский голос. Метелице казалось, что это плачут по ней, что сами подружки березки оплакивают ее погибшую любовь. – Осталась я без тебя, горемычная, нет мне радости, нет утешения. Некому мне косы девичьи заплести, некого мне домой с игрища поджидать. Все девчоночки, подружки твои, уж который год невестами называются, в девичьих лентах красуются, приданое готовят, женихов поджидают. Ты одна, моя кровиночка, под сырой землей, под зеленой травой. По весне идут все твои подруженьки в зеленую рощу, срывают цветочки лазоревы, свивают веночки девичьи, пускают по водам быстрым, а ты одна, моя голубка сизо-

крылая, сама как цветочек, рано увядший! Осталась одна я, как горлица на сухом дереве, на вечерней заре ждать мне некого!

Ах, да! Метелица медленно обернулась, поглядела. Ее тетка, Былятиха с огнища Лютичей, все еще сидела на кургане, причитая над крохотным, никому, кроме нее, уже не видным бугорком. Там лежала ее единственная дочка, умершая в тот же день, как родилась, не успевшая даже получить первое детское имя. С тех пор прошло семнадцать лет, и Метелица была одной из тех «подружек»-ровесниц умершей, матерям которых так завидовала Былятиха. И сейчас Метелица охотно поменялась бы с той крошкой, которая умерла, не успев ничего увидеть в жизни, не испытав этой ужасной сердечной боли, от которой сам воздух колом застывает в груди.

Отвернувшись, она прижалась лбом к шероховатой, в крупных черных язвах березовой коре, и слезы горячо потекли под опущенные веки. Весны для нее не было.

Пять дней от Родоницы до Берегинино дня Метелица жила как во сне, стараясь никому не подать вида, как ей плохо. Может, никто и не заметил, что зимой он все льнул к ней... На это надежды было немного, но Метелица скрывала свою боль и старалась держаться, как будто ничего не случилось.

Правда, и дел ей хватало: уже совсем близок был Берегинин день, когда берегини-росеницы выходят из воды, чтобы почти два месяца жить рядом с людьми и помогать плодородию нив. Их полагалось встречать подарками, чтобы они знали, как рады им люди и как благодарны за помощь. Метелица была хорошей рукодельницей, и каждому гостю на ее свадьбе, получая в подарок вышитый пояс, рукавицы или рушник, пришлось бы это признать. Она старалась не смотреть на сундук со своим приданым и подарками к свадьбе, которые готовила всю осень и зиму, но слезы то и дело падали ей на колени, орошая рубашку для берегини, как сама берегиня в будущем должна орошать посевы на полях.

– Кончай реветь, иголки заржавеют! – бормотала Турица.

Ей этой весной исполнялось пятнадцать лет, и она тоже готовилась войти в круг невест. И Турице было весьма досадно, что старшая сестра упустила жениха, а значит, и ей, младшей, дожидаться своей судьбы еще невесть как долго!

Вечером накануне Берегинино дня девушки с огнища Куделичей собрались незадолго до сумерек и отправились в Ладину рощу. Ходить сюда можно было только в дни праздников, и то с осторожностью, чтобы не сорвать ни листочка и не помять на ходу лишней травинки. В глубине рощи таилось озеро, называемое Вилино Око. Не слишком большое, озеро было окружено старыми ивами, свесившими ветви в воду, а со дна его било множество холодных ключей, из-за чего его вода была холодна даже в жару. Из этого озера выходили весной берегини-росеницы, иначе называемые вилами, несущие росу на поля, и потому Вилино Око по праву почиталось всей округой как источник жизни.

В роще уже видны были следы недавних гостей: кое-где на ветках берез и на кустах орешника висели беленые рубахи, украшенные пестрой вышивкой, разноцветные бусы или платки.

– Лютические уже ходили! – определила Первуша, самая старшая из куделинских девушек.

Ей уже исполнилось восемнадцать лет, и все ее ровесницы были замужем, но женихов смущал ее высокий рост, широкие плечи, громкий голос, привычка распоряжаться в доме, где было семь младших сестер. Говорят, в иных землях такие, как она, старшие сестры без братьев, и вовсе замуж не выходят, носят мужское платье и во всем стараются заменить родителям сына. Первуше это подошло бы как нельзя лучше.

– Лютические завсегда раньше раннего приходят! – подхватила Рябинка, невысокая, загорелая, проворная девица. Как ни старалась она ради праздника расчесать и пригладить

волосы, нарядная рубаша и красная лента с начищенными медными заушницами¹ не шли ей, казались чужими. В повседневной серой рубашке она смотрелась гораздо ловчее и приятнее.

– Так им ближе к вечеру боязно! – хихикнула Веретейка, совсем хорошая девица, кабы не слишком длинный нос. – Они ж такие все красавицы, что берегиням лучше не попадаться. С собой уведут!

Все прыснули со смеху, но тут же зажали себе рты. В священной роще стояла тишина, даже ветер улегся. В легком колыхании ветвей и высокой травы чудилось первое робкое движение тех сил, что войдут в земной мир этой ночью. Роща ждала, земля ждала, и даже глуповатая Веретейка понимала: случись им не угодить дочерям Дажьбога, поля останутся без росы, а люди – без хлеба.

– Ой, матушка, красиво-то как! – Ирица протянула было руку к висящей на березе рубашке, пытаясь получше рассмотреть вышивку на подоле, но Метелица проворно хлопнула ее по руке:

– Не трогай! Не для тебя повешено!

– Ну, я хоть посмотрю, я не трогаю! – заныла Ирица. – Так ловко сделано. Мне никогда так не суметь!

– Еще бы! – хмыкнула Первуша. – Для этого руки-то из плеч должны расти, а у тебя из...

– Не серди Ладу, заткнись! – перебила ее благоразумная Рябинка, потом поправилась: – Помолчи, ради чуров, а не можешь, так хоть говори повежливее. А то еще услышат...

Услышать их еще не могли, росеницы придут только ночью, с первым лунным лучом, но боевитая Первуша молча проглотила выговор. Настороженный слух ловил каждое колыхание веточки, и каждая помнила: *они* уже совсем близко...

– Да я научу тебя! – утешила Метелица расстроенную Ирицу. – Это Резвушкина работа, я вижу. Ее тетка Былятиха научила, и я тоже так умею.

– Я видела вчера Былятиху, – сказала Рябинка. – Встретила ее у нашей крайней ржи, где ручей и там дальше их лны. Дай, говорит, я тебе ленточку поправлю. Такая ты, говорит, ладная да пригожая, был бы мой Шумилка хоть годком постарше, посватали бы тебя ему! – Рябинка хихикнула, но было видно, что ей приятно. – Вот и моя, говорит, деточка, кабы Морана не взяла ее младенчиком, сейчас такая же была бы.

– Жалко ее все-таки! – Метелица вздохнула. Сейчас ей было по-особенному жалко всех, кто пережил ту или иную потерю. – Хорошая баба, а дочки ей больше Макошь не дала, только эти четыре огольца, братики мои любезные, на хворостине верхом вдоль по полю скачут!

– И те еще в женихи не годятся! – поддразнила Рябинку Веретейка и опять хихикнула.

– Ну, не мне, так Перепелке пригодятся! – Рябинка махнула рукой, вспомнив двенадцатилетнюю младшую сестру. – Как раз подрастут еще немного.

– Перепелка ваша пусть сперва веснушки выведет, а то на нее ни недоросточек, ни перестарочек не глянет! – отозвалась вредная Веретейка.

Рябинка протянула было крепкую загорелую ручку к длинной, но жидковатой, цвета мокрой соломы, косе вредины, но вдруг замерла и вскрикнула:

– Тихо!

Все застыли как вкопанные, всех пробрала дрожь. Неужели они, заболтавшись, наткнулись-таки на вил...

Откуда-то издалека долетали поющие голоса. Прислушавшись, разобрали знакомую песню:

На кривой березе
Вила сидела,

¹ Заушницы – иначе височные кольца, украшения в виде колец ращнообразной формы, носимые обычно на висках.

Вила сидела,
Рубашку просила.
Девки, молодухи,
Дайте мне рубашку,
Хоть худым-худеньку,
Да белым-беленьку!

– Неревинские! – определила Первуша. – Они всегда в том краю развешивают. Что-то мы припоздали сегодня, все вперед нас!

– Да вон наша береза! – Метелица показала на прогалину, где стояло на поляне большое раскидистое дерево. – Она, Рябушка?

– Она! Вон мой платочек привязан! – подтвердила Рябинка.

Под этой березой девушки Куделичей справляли недавний Лельник, и в траве еще можно было разглядеть крашеную яичную скорлупу и остатки увядших венков из подснежников и пролесок. Возможно, что еще их матери когда-то облюбовали для весенних обрядов это красивое дерево, стоявшее на удобной поляне, но обычай требовал «выбрать» и отметить березу, что Метелица с Рябинкой честно проделали еще неделю назад.

Девушки сложили все принесенное у корней дерева и встали в круг, так чтобы береза оказалась в середине. Сейчас их было всего пять: иные за зиму вышли замуж, а пополнение девичьего войска ожидалось только через месяц, в Ярилин день. Во всю мочь вытянув руки, чтобы дотянуться хотя бы пальцев друг друга, путаясь башмаками в высокой траве, они двинулись вокруг березы, а Первуша запела своим знаменитым на всю округу голосом:

Как в лесу береза
Зелена стояла,
А на той березе
Вила сидела...

– Смотри, вон рубашки висят! – Будила схватил Искрена за локоть, и тот вздрогнул от неожиданности.

– Чего хватаешь? – Искрен освободился. – Ну, рубашки. А ты чего ждал: зверя коркодела?

– Чего? – Будила нахмурился.

– В северных реках такой живет: залегает водный путь и мимо себя никого без жертвы не пускает! – просветил его Искрен. Прошлой осенью дед брал его на торг в княжеский город Чуробор, и там он наслушался от бывалых людей много диковинного. – Да это от нас далеко, ты не бойся.

– А кто боится? – с вызовом спросил Будила.

– Да ты и боишься! Рубашки простой вон как испугался, аж перекосило.

– Меня перекосило? Сейчас как дам, самого перекосит!

– Не ори! – уверенно осадил его Искрен. – Сам меня звал берегинь смотреть, а теперь трясешься, как на морозе. Сам хотел, так иди тихо и не дергайся.

– Что я, дурной, – берегинь смотреть! – уже потише отозвался Будила. На самом деле он был благодарен Искрену за то, что тот пошел с ним в рошу, и ссориться не хотел: а ну как брат раздумает и повернет обратно? Дело было небезопасное и недозволенное, но где голова бывает весной? – Девоч...

– Да ты рубашку увидел, а уже на помощь зовешь! – опять поддел его Искрен. – А если девушку живую увидишь, тогда вообще...

– Да я...

– А, ну тебя! – с досадой отмахнулся Искрен. – Молчи лучше, а то всех девок распугаешь.

Он немного сердился на себя, что поддался на уговоры двоюродного брата и пошел с ним в Ладину рощу накануне Берегинино дня. С Будилой все понятно, его родичи женить хотят поскорее, им работница нужна позарез. Вот и ищет, шальной, все глаза таращит на куделинских и лютических девок, пока мать с отцом не выбрали какую-нибудь, здоровую, как лошадь, и страшную, как Морана. Первушку куделинскую, например.

Заодно с Первушкой вспомнилась и Метелица. А ему-то самому, Искрену, чего надо? Он и сам не знал, почему вдруг охладел к ней, но сейчас ее привычное лицо с высоким лбом и гладко зачесанной, длинной, гладкой светло-русой косой не вызывало в нем никаких чувств. Зимой, на холоде, его тянуло к ней, казалось, именно такая, как она, сделает его будущий дом уютным, теплым, наполнит его запахами вкусной еды, детскими голосами, и никогда у такой, как она, муж и дети не будут сверкать продранными локтями. Все это оставалось верным и сейчас, но мечты о такой жизни больше не привлекали Искрена. Спокойная, серьезная, ровная, всегда одинаковая – Метелица и сейчас оставалась такой же, какой была зимой. А сам он изменился. Весна тревожила, звала искать что-то иное, новое, неожиданное, манила и обещала... Что? Он и сам не знал.

– Это наши, что ли, здесь ходили? – Будила наклонился к ветке, рассматривая вышитый рукав рубахи и стараясь в полутьме рощи различить узор.

– Нет, это куделинские. Дреманова молодая жаловалась, что они самую лучшую березу каждый год платочком помечают – после Медвежьего дня, что ли, бегут сразу? Вон та береза и есть.

На ветвях красивой, раскидистой березы уже висело пять рубашек, еще несколько украшало ближайшие кусты. Среди зеленых ветвей трепетали платочки, поблескивали красные, синие, желтые бусы. Дарить вилам настоящие ожерелья, стеклянные или каменные, было бы слишком накладно, и бусины для них просто лепили из глины и обжигали, но уж зато какими узорами их раскрашивали! Сестра, Громница, целыми вечерами рисуя на цветных бусинах то ромбики с точками, то волны, то ростки, всегда приговаривала, любуясь делом своих рук: «Сама бы носила, да шея тонка!» И в этом была своя правда: крупные и яркие глиняные бусы выходили очень тяжелыми.

– Опоздали мы, брат! – Искрен хлопнул Будилу по плечу. – Наши еще с утра ходили, куделинские тоже дома давно. Разве что лютических застанем.

– Да что-то не слышно никого! – Будила еще раз прислушался к легкому шороху рощи, в котором не слышалось отзвуков человеческих голосов, и со вздохом сдался: – Пойдем-ка до дому, брат.

– Пойдем.

Они повернули назад и прошли немного, но вдруг впереди показалась широкая прогалина и заблестела вода. Искрен изумленно свистнул и даже немного присел. Перед ними было Вилино Око – озеро, запретное для мужчин весь год, кроме одного-единственного дня. И этот день еще не наступил. Тревожить его покой они никак не собирались и совсем не обрадовались, что им пришлось-таки его повидать.

– Вилино Око... – пробормотал Будила и озадаченно почесал макушку. – Вот леший занес...

– Откуда тут другому взяться? А вот как мы к нему попали, если шли-то мы к опушке?

– Говорю же – леший занес!

– Говорит он... Поменьше говори, целее будем. Прости нас, Вилино Око, не гневайся, что потревожили! – Искрен вежливо поклонился темной воде, и кувшинки у берега слегка закачались, точно слышали. – Не по злему умыслу мы – заблудились.

Попятившись, они ушли за толстую иву, а там повернулись к озеру спиной и быстрым шагом двинулись прочь. Миновали поляну с подношениями куделинских девушек, миновали

темную стайку мелких елочек, неведомо зачем забредшую в березняк – тоже заблудились, наверное. Под ногами была едва приметная тропинка. Сбирать грибы-ягоды в священной роще было нельзя, весь год сюда почти не ходили, поэтому натоптанных тропинок тут не было, и только после девушек, приходивших утром, осталась тонкая полоса примятой травы.

Парни приободрились. Тропинка, след живых людей, казалась надежным другом: она выведет хотя бы на опушку, а там уж они, с закрытыми глазами знающие всю округу на три дня пешего пути, полями и лугами выйдут к своему огнищу. А если им повезет и эта тропинка осталась после своих родных неревинских девок под предводительством Искреновой родной сестры Громницы, то приведет прямо ко ржи, а там новые льны и за ручьем – родной темный тын на высоком берегу Неревы...

Размечтались. Шедший первым Искрен вдруг резко остановился, и Будила, с размаху налетев на него, нелепо взмахнул руками, чтобы не упасть. Перед ними опять была поляна и раскидистая береза с приношениями куделинских девушек на ветках.

К тому времени как Искрен и Будила вышли к березе в пятый раз, ими уже было испробовано все. Они просили у лешего прощения и уговаривали отпустить их, снимали рубахи и надевали их наизнанку, переобували башмаки с правой ноги на левую и наоборот и даже пытались высмотреть дорогу, нагнувшись и глядя назад между ног. Они доверялись то одной, то другой тропинке, шли по несмятой траве, но дорога и бездорожье снова и снова приводили их к березе.

Будила еще что-то бормотал, но Искрен уже понял: их водит не леший. Нечего теперь жаловаться, сами виноваты, что в неположенный день влезли в священную рощу женских и девичьих обрядов. И будет очень хорошо, если добрые богини просто поведут их, дураков, по роще до света, а утром, голодных, замерзших и измученных, выпустят-таки на опушку.

В простой день, скорее всего, так оно и было бы. Но ведь сегодня не простой день, и ночь впереди не простая. И она уже близилась. Ощутимо похолодало, и Будила зябко хлопал себя по плечам, жалея, что доверился весеннему солнышку и бросил кожух дома. Небо посерело, а в роще казалось еще темнее, чем на открытом пространстве. Все утренние тропинки исчезли, примятая трава распрямилась, и теперь оба парня видели только свои собственные следы, которые могли привести их только на старое место.

– Есть охота, хоть волком вой! – бормотал Будила, за досадой скрывая страх. – Хоть бы пирожка какого... – И косился под березы, где в траве заманчиво виднелись пироги в вышитых платках, вареные крашеные яйца, караваи с яичницей внутри.

– Не для тебя положено! Тронешь – самого съедят! – грозил ему Искрен, хоть и сам был голоден. – До дому бы добраться, а там уже мать тебя покормит... осиновым поленом поперек спины!

Они еще брели куда-то, но оба знали, что все бесполезно и к людям им сегодня не выйти. А может, и никогда... Внутри холодело от этой мысли, но, несмотря на всю очевидную жуть их положения, молодым здоровым парням не верилось, что все для них так плохо кончится и что по пути сюда они в последний раз видели небо и солнечный свет.

В простом лесу они давно уже наломали бы лапника, сделали бы лежанки или даже устроили бы шалаш под старой елью, набрали бы сушняка и развели костер, очертили бы заговоренный круг от всяких непрошенных гостей и без горя дождались бы утра. Но в Ладиной роще не то что ветки ломать – даже травинки сорвать нельзя, и те венки, которые на березах завивают девушки, они потом бережно развивают, стараясь не сорвать даже листика. Здесь – дом богини, и люди входят сюда, благоговея и трепеща.

Быстро темнело, между белыми стволами за клубился туман. Земля вливалась в священную ночь пробуждения берегинь, туман прятал привычную действительность, и под ним роща неприметно и скрыто превращалась в иную страну.

Пробежал по вершинам ветерок – быстро, шаловливо, прошептал со значением, точно увидел кого. И Искрен сам схватил Будилу за плечо – тот в ужасе вздрогнул и застыл как вкопанный. Стало не до шуток друг над другом – им не было места в этой роще, и теперь только дурак вздумал бы храбриться.

В шорохе ветвей слышался отдаленный смех – тихий, неясный, бесплотный, не звук, а только тень звука. Он долетал из-за туманной завесы, из-за грани волшебной ночи: преграда между мирами делалась все тоньше и прозрачнее, вот-вот незримые ворота распахнутся и выпустят в земной мир тех, кто посещает его так ненадолго в эти светлые и свежие весенние дни...

Как во сне, Искрен сделал еще шаг, невольно ожидая, что и земли-то под ногами уже нет и с этим шагом он рухнет в какие-то непостижимые глубины. Впереди виднелась громада старой дуплистого ивы, в этот час похожая на причудливое жилище какого-то нечеловеческого существа. Широкая длинная старая ветка, почти боковой ствол, тянулась вдоль земли на высоте плеч, и на ней висели две вышитые рубашки. В густых сумерках они казались живыми – вот-вот оживут, соскочат наземь и примутся вертеться и плясать...

За ивой поблескивала широкая темная вода. Вилино Око было совершенно тихим и гладким, но и в этой его тишине мерещилась потаенная, полная скрытого значения и готовая проявить себя жизнь. Что-то зрело там, под темной поверхностью, – священное озеро и было теми воротами, через которые дочери Дажьбога попадают в земной мир, чтобы два месяца до Купалы плясать на полянах и орошать нивы росой из турьих рогов, а в Купальскую ночь растаять росными облачками над полями ржи.

Идти еще куда-то разом расхотелось – у обоих парней подкосились ноги. Не в силах выносить близость молчаливого озера, они ушли с берега и сели под кривой, неуклюжей березой, на которой не висело ни одного подарочка. Может быть, это неказистое дерево игривые росеницы обойдут своим вниманием и не заметят под ним нарушителей запрета?

– Березонька-матушка, укрой нас! – попросил Искрен и низко поклонился. – Пожалей нас, приюти до утра, не дай в обиду!

Береза невнятно шевельнула ветвями, и парни, приняв это за приглашение, повалились на траву. Оба чувствовали себя такими разбитыми, будто ходили без передышки целую неделю.

Было тихо, но сон не шел. В этой тишине ощущалось молчание живого существа, которое просто не хочет говорить, но видит и слышит все. На земле было холодно и жестко, туман навевал тяжелую, морочащую дрему. Шелестели березы, листочки и веточки перешептывались между собой. В облаках тумана меж стволов мерещилось движение, словно неясные фигуры на цыпочках перебегают от дерева к дереву, играют, дразнятся, морочат, а между тем подбигаются все ближе и ближе...

Вышла луна. Роща затаила дыхание. От тишины хотелось зажмуриться, закрыть голову руками, зарыться в траву, забиться в ямку под корнями.

Первый лунный луч упал на поверхность озера. И в ответ тихая вода заколыхалась, в ней мелькнуло что-то живое – в одном месте, в другом. Крупные белые лебеди всплывали прямо со дна и друг за другом тянулись к берегу. В ночной тишине раздавался веселый звонкий смех. Белые птицы кружились по озеру, били крыльями по воде, осыпая друг друга брызгами, гонялись одна за другой, резвились, смеялись, радуясь новой встрече с земным миром.

Вот первая из птиц коснулась крылом берега, и на ее месте из воды вдруг встала девушка – высокая, стройная, белая, по колени окутанная мокрыми светлыми волосами, с которых обильным потоком струилась вода. В туче брызг выскочив на берег, она захохотала громко и победно, гордясь и радуясь, что первая из трижды девяти сестер-росениц завладела этим богатым, ярким, горячим миром. Она отбросила назад мокрые волосы, но вода все так же струилась по ее пышной груди, стройным бедрам и длинным сильным ногам, орошая всю траву

вокруг и ручейками устремляясь назад в озеро. А навстречу им на песок уже выбралась вторая берегиня, неся с собой свою тучу брызг и свой каскад искрящегося счастливого смеха.

– Я первая, первая! – кричала одна, и другая плеснула на нее водой лебединым крылом, которое тут же превратилось в прекрасную, белую и гибкую девичью руку, и только пара запоздалых перышек закружилась и пропала в брызгах.

Первая берегиня увернулась и бросилась бежать по берегу, вторая погналась за ней, и их смех взлетал к самым вершинам старых ив. А за ними все новые и новые белые птицы текли по волнам взбаламученного Вилиного Ока, и все новые девы выходили на берег.

– Ой, рубашечки! – с ликованием кричал звонкий голос. – Какая красивенькая!

– Это моя!

– Нет, моя! Я первая увидела!

– А я первая взяла!

– Отдай!

– Попробуй возьми!

Две берегини бегали вокруг старой ивы, вырывая одна у другой вышитую рубаху, уже совсем промокшую. Вдруг она с треском порвалась, берегини бросили обрывки на траву и расхохотались. Две или три их сестры уже взлетели на иву и качались на ветвях, так что на берег обрушился настоящий дождь, текущий с их волос, а одна завладела оставшейся на иве рубахой и вертела ее, прикладывала к себе то одной стороной, то другой, силясь сообразить, как с этим обращаться.

Искрен и Будила под своей березой слышали плеск, визг и смех, долетавшие от озера, разбирали голоса, красивые, но такие, что и не понять: то ли это девушки смеются, то ли птицы кричат. Сами голоса были звонкими, блестящими и холодными, как лунный свет. Вцепившись друг в друга, оба парня дрожали, не имея в голове ни единой мысли, кроме бессловесной мольбы: только бы их не заметили.

– Ой, кто это? – вскрикнул рядом с ними звонкий голос, полный любопытства и задора. – Смотрите, парень! Какой хорошенький!

Искрен завертел головой, пытаясь увидеть источник голоса, и первым делом обнаружил, что никакого Будилы рядом нет, что он цепляется застывшими руками в траву у корней березы, а в трех шагах от него стоит берегиня и ее горящие зеленые глаза смотрят прямо на него. Нечеловеческое совершенство этого стройного белого тела, лица, густых и длинных волос внушали разом восторг и резкое чувство ужаса, как будто от самого вида этой безумной красоты можно было умереть на месте. В ней играла и бурлила сила самой земли, пробудившейся весной для нового роста и цветения, и столкновения с этой силой человеческое естество не могло выдержать. Хотелось бежать от нее сломя голову, и хотелось любоваться ею, пусть даже ценой жизни.

Искрен пошевелился, кое-как поднялся на ноги, цепляясь за березу: он знал, что надо бежать, но трава опутала ноги и не пускала.

– Какой миленький! – вскрикнул с другой стороны новый голос. Искрен обернулся, словно его дернули: пообок стояла другая берегиня, с волосами потемней и с голубыми глазами, так же ярко горящими в ночной темноте. Ее высокая пышная грудь вздымалась от бега и смеха, яркий рот приоткрылся, а глаза обшаривали его в радостном нетерпении, точно новую забаву. – Кудрявенький!

Она мягко протянула к Искрену руки, и невидимая сила вдруг мощно повлекла его в ее объятия, голова закружилась, сознание стало меркнуть. Он забыл свой страх, забыл время и место и ничего не видел и не знал, кроме сокрушительной прелести этого стройного тела.

– Он мой! – крикнула другая берегиня. – Я его первая увидела!

– А я первая возьму!

– Я не отдам!

– А вот попробуй!

Искрен опомнился: да ведь сейчас они просто разорвут его пополам и бросят, как лоскуты рубашки! Чары ослабли, и он бросился бежать, не разбирая дороги. Он знал, что в этой роще он целиком в их власти, но ни о чем сейчас не думал, а только бежал, как зверь, спасая свою жизнь и рассудок. Обе соперницы со смехом и визгом мчались за ним, едва касаясь травы, то отставали, то опять нагоняли и тянули к нему руки, то даже чуть перегоняли и вдруг выскакивали из-за берез, звонко хохоча, когда он от неожиданности спотыкался и ударялся о деревья. Ему уже казалось, что их не две, а два десятка и они окружили его со всех сторон.

Он мчался через березняк, ему казалось, что он бежит уже давно и вот-вот впереди будет опушка, просвет, воля и спасение; он забыл, что даже вечером они не могли найти выход, и только приходил в отчаяние от того, что роща никак не кончается, что он уже задыхается, а звонкий смех охотниц звучит прямо над ухом и они даже не думают отставать. Его томил жар и трепал озноб, волосы взмокли, рубаха прилипла к спине, все тело болело от ударов о деревья.

Вдруг одна березка встала прямо перед ним, и Искрен невольно ухватился за нее, чтобы не врезаться лбом.

И вдруг обнаружил, что держит в объятиях девушку. Ее длинные распущенные волосы были влажными, и ткань рубашки – на ней была вышитая белая рубашка – местами намокла и липнет к телу. От нее пахло влажной свежестью леса, травами и цветами. Раньше, чем он успел сообразить, прохладные гладкие руки жадно обвили вокруг его шеи и губ коснулись холодные влажные губы. Искрен попытался оттолкнуть ее, но она вдруг сама вскрикнула и отшатнулась, точно обожглась.

– Ой, что это! – плачущим голосом воскликнула берегиня, отскочив на пару шагов и потряхивая руками, словно их окатило слишком горячей водой.

А Искрен схватился за маленький мешочек на груди – оберег с полынью внутри. Сегодня утром мать повесила по такому мешочку всем детям и велела не снимать до самой Купалы, пока берегини не уйдут. Искрен забыл о нем, но оберег верно служил ему.

– Полынь! – морщась, причитала берегиня. – Жжется, горькая, противная! Сними ее, выбрось!

Искрен попятился, крепко сжимая оберег в кулаке. Он еще едва дышал от бега, но почти перестал бояться, сообразив: пока мешочек при нем, эта прекрасная белая дева не может к нему подойти. Даже смех и визги берегинь, резвящихся на озере и все шире разбегавшихся по роще, перестали внушать ему первоначальный ужас.

– Ну, выбрось! – уговаривала берегиня, мелкими шажками следуя за ним, но не приближаясь. – Куда же ты бежишь от меня? Желанный ты мой, сокол ты мой ясный! – звучным, низким, томительно-страстным голосом позвала она, но от этой страстности на Искрена веяло холодом глубокой воды. – Как я тебя искала, как жаждала с тобой свидеться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.